ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва, 7 октября 1931 г. № 54 (153)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

первые уроки дискуссии в ВССП

Первый этап дискуссии, начатой в московском отделе ВССП, отчетливо выявил процесс глубокой дифференциации, происходящей в среде старого попутничества. В отличие от ленинградской дискуссии дискуссия в Москве отличается — на первых порах — значительно МЕНЬШИМ вниманием к ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКИМ вопросам и значительно БОЛЬШЕЙ остротой спора по вопросам ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ. Эта характерная черта московской дискуссии находит свое об'яснение, наряду с другими причинами, и в том, что дискуссия в Москве только НАЧИНАЕТ процесс осознания различными группами своих литературно-политических позиций,— в то время как ленинградская дискуссия уже подводила ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ внутренней борьбы в союзе. Насколько неотчетливо представляют себе пути размежевания группы писателей в ВССП, показывают выдвинувшиеся на дискуссии попытки провести это размежевание по линии ТЕМАТИКИ, или по линии ПОКОЛЕНИЙ в союзе. Между тем, такое размежевание происходит и будет происходить вокруг вопросов МИРОВОЗЗРЕНИЯ, как решающих и основных. Не о голом декларировании мировоззренческих принципов идет речь. Речь идет о ПРОВЕРКЕ КРИТЕРИЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ тех принципиальных установок, которые та или иная писательская группировка, тот или иной писатель выдвигает.

Этот критерий позволяет решить и вопрос, поднятый на дискуссии, в том, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБ'ЕКТИВНО СОЮЗНИЧЕСКИЙ ОТРЯД в литературе, или же употребление терминов «союзник» и «попутчик» сводится к накоплению бессмысленных «ЯРЛЫЧКОВ». Литературное союзничество является путем перехода литературы мелкобуржуазной интеллигенции на мировоззренческие позиции пролетариата — путем, разумеется, незавершенным, а лишь начатым. Следовательно, отрицание наличия союзнической литературы в настоящее время может быть обосновано ЛИБО тем, что попутчикам НЕЧЕГО менять в своих прежних мировоззренческих установках, ЛИБО тем, что никакого поворота в сторону пролетариата в кадрах старого попутничества не происходит. Именно к такому обоснованию и сползались в дискуссии некоторые представители ВССП под прикрытием пышных фраз о «великих идеях эпохи». Но дискуссия в ВССП происходит не только в форме ораторского турнира. Дискуссия ведется ОРУЖИЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ. Литературное союзничество не есть уже только ЗАДАНИЕ, оно есть ДАННОСТЬ, реализованная в серии художественных произведений. Именно этим обстоятельством и об'ясняются попытки реакционных элементов в союзе дискредитировать творчество союзников и помешать их дальнейшему движению по пути сближения с пролетарской литературой. Именно этим обстоятельством и об'ясняются заявления о том, что темы борьбы за социализм кем-то «подсунуты» писателям-союзникам.

Давая непримиримый отпор реакционным элементам в союзе, мы должны в то же время решительно бороться против ВУЛЬГАРИЗАЦИИ содержания перестройки попутничества, против НЕДОУЧЕТА ТРУДНОСТЕЙ, встающих на путях этой перестройки, против тенденций ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСТВА. На дискуссии в числе прочего выдвинулась своеобразная теория оправдания приспособленчества. Суть ее сводится к следующему: ПОДОБНО тому, как в эпоху господства символизма «НЕЛЬЗЯ» было не быть символистом, — ПОДОБНО ЭТОМУ и сейчас «НЕЛЬЗЯ» быть по вражде с «великими идеями эпохи». Характерно, что подобная теория исходит из круга, отрицающих классовую борьбу в литературе. «Нельзя» было не быть символистом? Но ведь во времена под'ема символизма были и Горький, и Серафимович, начинал свою работу Демьян Бедный, существовали группы рабочих-писателей. «Нельзя» быть сейчас вне «великих идей эпохи»? Но ведь сейчас существует буржуазно-кулацкая литература. Нетрудно понять, что подобная теория, исходящая из отрицания необходимости идейного перевооружения попутничества, ведет — в «лучшем» случае к оправданию приспособленчества и «красной халтуры».

Начало московской дискуссии в ВССП, обнажившей со всей остротой картину внутренней борьбы в союзе, в то же время обязывает московский отдел союза к РЕШИТЕЛЬНОМУ ИЗМЕНЕНИЮ МЕТОДОВ И СОДЕРЖАНИЯ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Московский отдел в настоящее время отнюдь НЕ является ТВОРЧЕСКОЙ писательской организацией. Московский отдел является в своем нынешнем виде суммой писателей единоличников, МЕХАНИЧЕСКИ зарегистрированных в союзе. НЕ несущих на деле ответственности за положение дел в союзе и работающих в атмосфере взаимной ТВОРЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ. Характерным для положения в союзе является тот факт, что за последнее время руководящие органы союза не обсудили ни одного литературно-политического и творческого вопроса, целиком отдав свое внимание так называемым «ХОЗЯЙСТВЕННЫМ» вопросам.

Уроки дискуссии должны быть учтены руководством союза. Без решительного изменения методов и содержания работы союза невозможно будет вывести организацию из полосы застоя, столь выгодного для реакционных элементов, усилить процесс внутреннего размежевания и укрепить позиции союзнического отряда.

за единую организацию пролетарских писателей на украине

об'единение вуспп и „молодняка"

укрепит связь всей пролетарской литературы украины с комсомолом

привет харьковским „молодняковцам"

Мы печатаем ниже резолюцию харьковской организации «Молодняка», ставящую вопрос об об'единении ВУСПП и «Молодняка» в единую организацию пролетарских писателей Украины. Мы имеем сведения, что точка зрения харьковского «Молодняка» разделяется и товарищами из ВУСПП. Таким образом после ряда лет обособленного существования двух организаций пролетарских писателей на Украине, ослабляющего общий фронт пролетарской литературы, сейчас создаются необходимые предпосылки для реализации на Украине лозунга ВОАПП: «Единая всапповская организация в каждой союзной республике».

И ВУСПП и «Молодняк» являются испытанными всапповскими отрядами. И ВУСПП и «Молодняк» имеют — при главной, с конструктивистско-«литфронтовскими» группами (Первомайский, Копыця и др.) и пр. Резолюция харьковского «Молодняка» правильно отмечает, что вхождение «Молодняка» в ВУСПП (речь идет именно о вхождении, а отнюдь не о ликвидации «Молодняка») закрепит связь всей пролетарской литературы с комсомолом.

Мы приветствуем решение харьковских товарищей из «Молодняка». Вхождение «Молодняка» в ВУСПП усилит общий фронт борьбы за гегемонию пролетарской литературы, обеспечит необходимые условия для улучшения работы с рабкорами-ударниками и поможет всей пролетарской литературе Украины на деле повернуться лицом к комсомолу.

решение харьковской организации „молодняк"

На собрании харьковской литгруппы пролетарских комсомольских писателей «Молодняк» об об'единении «Молодняка» с ВУСПП в единую пролетарскую литорганизацию на Украине — ВУСПП.

В конце сентября 1931 г. принята следующая резолюция (приводим ее в выдержках):

«Победы, достигнутые ВУСПП и «Молодняком» под руководством ЦК КП(б)У в борьбе за гегемонию пролетарской литературы, новая обстановка и новые задачи, выдвинутые периодом социалистического строительства, именно сейчас решительно подчеркивают необходимость реализации всапповского принципа о существовании в каждой союзной республике единой всапповской литорганизации, ставят вопрос о максимальной консолидации сил пролетарской литературы... Охарактеризовав успехи пролетарской литературы на Украине (ВУСПП и «Молодняк»), резолюция говорит:

Достижения «Молодняка» за пятилетие своего существования обусловлены тем, что «Молодняк», будучи всапповской организацией, на деле с начала постоянным руководством всегда давал решительный отпор не только правым пролетарско-литературного движения, но также и уклонистам внутри «Молодняка».

Мы дали отпор группе Мамота-Мазепенка, которая старалась протаскивать «Молодняк» ВУСПП и комсомолу, и, потерпев поражение, пошла потом в обгиде «Литературного ярмарка», а потом стала составной частью «Пролефронта».

Мы разгромили организованный Первомайским контрреволюционный блок «Наступ», литфронтовскую суть которого, в украинской мистификации, теперь доказывать не приходится.

Мы боролись с великодержавным и местным шовинизмом, с правой опасностью в литературе, как главной, в частности, внутри «Молодняка» (писательские Петренко-Ковтуна, Фомина, разоружения критика творчества Бойка и друг.), а также с «левыми» загибами.

В частности харьковская группа разоблачала и проводила решительную борьбу с решениями «Молодняка» (группа Кольцы-Колесника) с попытками этой группы расколоть «Молодняк», дискредитировать начальствующее руководство «Молодняка» и этим ослабить всапповский фронт пролетарской литературы на Украине.

Дав развернутую характеристику ошибок и недостатков в работе «Молодняка», резолюция ведет за чем говорит:

«Харьковская организация «Молодняка», отметив большую историческую роль «Молодняка», как боевого напостовского отряда в борьбе за гегемонию пролетарской литературы на Украине, считает, что сейчас, в связи с коренными изменениями на литературном фронте, и достижениями пролетарской литературы, в связи с новой обстановкой и новыми задачами, существование «Молодняка» как отдельной организации нецелесообразно.

Объединение двух всапповских организаций, «Молодняка» и ВУСПП, уничтожит препятствия организационного порядка, мешающие движению украинской пролетарской литературы вперед к дальнейшим победам.

Существование единой пролетарской литературной организации ВУСПП еще больше укрепит связь ленинского комсомола со всем фронтом пролетарской литературы и самым решительным образом будет содействовать повороту украинской пролетарской литературы лицом к комсомолу».

на секретариате фосп

пример творческой перестройки

как работает лекотдел фосп

Ленинградский отдел ФОСП показывает пример творческой перестройки. Если еще недавно Лекотдел ФОСП занимался главным образом хозяйственными вопросами, был «распределителем» материал для писателей, то теперь он решительно перестраивается в подлинную литературно-творческую организацию. И это — не на словах, а на деле.

По инициативе ЛО ФОСП и ЛАПП писатели выезжают в научные экспедиции, на заводы. Перед руководителями того или иного завода (напр. «Красный путиловец») становится конкретный вопрос — как используются писательские силы, литкружки в борьбе за выполнение промфинплана. Тут же вносятся конкретные предложения, направленные к улучшению работы писателей на предприятиях.

Социалистические писатели включены непосредственно в социалистическую стройку. Уже около 7 писателей-ударников, членов ВССП, руководят литкружками на крупнейших ленинградских заводах. ЛАПП и ЛОКАФ оказывают конкретную помощь Лекотделу ФОСП. Творческая дискуссия, вопросы создания «Истории гражданской войны», показ героев пятилетки молодым рабочим пролетариату и другие важнейшие литературно-политические проблемы, все это занимает важное место в работе ЛО ФОСП. Ленинградцы приступают к выпуску специальных сборников, посвященных истории гражданской войны. Организуется призыв иностранных рабкоров в литературу.

Общество краеведов-писателей Ленинграда больше интересовалось изучением экзотики Крыма и Кавказа. ЛО ФОСП прямо поставил вопрос—изучение Ленинградской области, имеющей огромное хозяйственно-политическое значение, недопустимо.

Лекотдел ФОСП переключается на непосредственное и живое руководство творчеством писателя, организуя его в процессе творчества.

Но на общем светлом фоне работы писательских организаций Ленинграда имеются еще пятна. Старое руководство ЛОКАФ не сумело перестроиться. Элементы кавешины, кланства связали себе много в работе ЛОКАФ. Руководство ЛОКАФ сторонилось от низовых организаций. В погоне за количественными показателями ЛОКАФ забыл о качестве работы. Эта оппортунистическая практика старого руководства ЛОКАФ уже осуждена низовыми литкружками и литературными кругами Ленинграда. Сейчас руководство ЛОКАФ обновляется.

Лекотдел ФОСП не реализовал еще в должное нефтего писательских организаций и завода им. «Карла Маркса». Слаба работа и связь ЛО ФОСП с издательствами.

Доклады М. Чумадрова и оргсекретаря ЛО ФОСП т. Ветлугина на секретариате ФОСП (4 октября) были заслушаны с большим вниманием.

Писатели в прениях подчеркнули, что Лекотдел ФОСП сумел по-настоящему повернуться к творческим задачам, но в то же время подвергли критике слабые стороны его работы.

А. КРУЛКОВ

мартин андерсен нексе в ленинграде

ЛЕНИНГРАД. (Наш. корр.). Возвращаясь из СССР в Данию, Мартин Андерсен Нексе остановился на несколько дней в Ленинграде.

Перед отъездом Нексе посетил Ленинград, где познакомился с работой всех издательств.

В продолжительной беседе с заведующим Ленгизом М. Рафаловым, Нексе расспрашивал его вопросы современного положения на Западе. События в английском флоте, отметил между прочим, Нексе, имеют такое же значение, как события 1905 года в русском флоте.

В беседе с т. Рафаловым, Нексе поделился своими впечатлениями о Советском союзе.

перестройка гихл

увязла в резолюциях

издательские работники мобилизуются на реализацию постановления ЦК

на собрании издательского актива в цдка

Правление Огиз созвало 1 октября в ЦДКА широкое собрание актива издательских и полиграфических работников, писателей и рабочих-ударников, посвященное реализации постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе.

С большим докладом «Издательское дело на новом этапе» выступил Арт. Халатов, который отметил основные недочеты издательской работы.

— Качество выпускаемой издательствами продукции — низко. Издательства еще не подготовили нужные редакторские и авторские кадры. До сих пор слабая связь издательств с рабочей, колхозной научной общественностью. Массовая работа издательств стоит не на высоте. Обезличка прочно внедрилась в систему издательской работы.

Тов. Халатов наметил основные пути, по которым должна пойти перестройка, и подробно остановился на вопросах художественной литературы.

— ГИХЛ еще не стал центром творческой работы писательского актива и не играет еще ведущей стимулирующей роли в этом деле. Работой литмоделлинга, приведшей к этим пролитературам, превратил РАПП в мощную массовую дезинтеллигентную организацию. Он заявляет большую ответственность за издательство в его работе с новым рабочим автором.

Новые задачи, стоящие перед издательской работой, требуют перестройки писателя, его общественной активизации.

В заключение т. Халатов призывает писателей и издательских работников решительно бороться за улучшение полиграфбазы, за развертывание бумажной промышленности (посылка писательских бригад на фабрики), за перестройку книгораспространения.

Выступивший в прениях Н. Макарьев от имени секретариата РАПП взял на себя над обязательств перед Огизом в области реализации пролетписателями постановления ЦК ВКП(б). РАПП окажет помощь Огиз в его работе с начинающим рабочим-автором и всей работе по перестройке ГИХЛ. Группы развернут конкретную критику выходящей продукции издательств и поведут еще более усиленную работу над выдвижением литературных кадров, над вовлечением пролетписателей в практику социалистического строительства.

Рабочие-ударники типографий Огиз т. Корчагин (Ленинградский «Печатный двор»), Гаврилов (Ленинградская 20-я типография), Мошкин, (1-я образцовая типография, Власов (3-я типография «Красный пролетарий») рапортовали Огизу о своих достижениях и участии в реализации постановления ЦК.

Член рабочего редсовета ГИХЛ работник-ударник т. Щеголев приветствовал собрание от имени 17.000 рабочих изобразил им. Сталина и сообщил, что на заводе организован коллектив книгоиздателей-рабочих, которые начинают непрерывную стрельбу книгой. В этой работе рабочие ждут помощи писателей.

Л. Леонов зачитал приветствие собранию от Максима Горького, которому не было от собранных ответов приехать. Собрание послало приветствие т. Сталину и рабкорам в министерство тяжелой промышленности, заводу имени им. Сталина (АМО) и Тракторному харьковскому.

А. КР-ОВ

союзпечать в союзе с бюрократизмом

газета отпечатана, журнал сброшюрован... через три недели вам их пришлют...

покончить с безобразием в органах распространения

В последнем постановлении ЦК о работе издательства значительное место отводится распространению книжной и журнальной продукции.

Делает ли Книгоцентр что-либо, чтобы изучать и воспитать своих подписчиков-читателей? Может ли Книгоцентр планово распределять свою продукцию на основании изучения читателя?

Бригада, созванная ГИХЛ, выяснила, что ничего этого у Книгоцентра нет.

Не будем перечислять случаев головотяпства и бюрократизма, имевших в свое время место в работе Книгоцентра. Возьмем лучше о фактах, характеризующих общую расхлябанность в распространенческих органах, фактах, которые Книгоцентр считает «вполне нормальными».

Как правило, журналы рассылаются подписчикам и поступают в розничную продажу не раньше как через 2 недели после окончания брошюровки (когда же журнал доходит до подписчиков отдаленных районов). Например, тираж журнала № 8 «Пролетарское кино» был готов 24 августа. На склад Книгоцентра тираж поступил 30 августа, 31 августа Книгоцентр получил от склада извещение и лишь 7 сентября для склада разверстку по розничке. 11 сентября в Москве журнал еще не продавался. В общей сложности на все процедуры потребовалось 18 дней.

В разверстке журналов по периферии процветает еще большая неразбериха. Возьмем, для примера, «На лиговку». На курорте Туапсе в июне этого года можно было видеть в киосках киоске пятнадцать февральских номеров, это—в то время, когда в Одессу посылается 1 экземпляр, а в Смоленск и в ряд других центров не посылается ни одного экземпляра.

В получении складом тиражей — большая путаница. Никто из органов распределения не следит за тем, готов тираж того или иного журнала или нет. О готовых тиражах узнают разными путями. Персональной ответственности за это дело никто не несет. Вся процедура разверстки и распределения тиражей происходит после того, как Книгоцентр получит от склада извещение об их приеме (стало быть, еще несколько дней проволочки). Кроме того склад не может четко работать по той причине, что имеет лишь 2—3 грузовых полуторатонных машины, а ежедневно насчитывается не менее 500 («Огонек» — одно из благополучных изданий в смысле распространения, имеет 2 автомашины на 25 изданий и все-таки не совсем хорошо справляется с работой).

Союзпечать и Книгоцентр — параллельные организации. Союзпечать ведает киосками, а Книгоцентр — магазинами. У этих параллельных организаций нет никакой согласованности в работе, что приводит к тому, что иногда в один город шлют журналы и Книгоцентр и Союзпечать, а в другой — не посылают ни тот, ни другой.

Надо четко учитывать действительную потребность городов. А эти организации руководятся мертвой бумагой, соображаясь лишь с заявками с мест, которые или не доходят или приходят с опозданиями.

Так обстоит дело с распространением. Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы представить себе всю неразбериху и безответственность, царящие в органах распространения.

В наших условиях вся издательская продукция должна быть использована с максимальной пользой для читательских масс. В этом одна из ответственнейших задач культурной революции. Необходимо добиться минимальных сроков и четкого распределения розницы на местах. Это именно реальное и выполнимое требование. Постановление ЦК должно быть срочно реализовано.

Книгоцентр — это только одна сторона дела. Есть и другая сторона, не менее важная. Мы имеем в виду работу Гостиата, этого застойного соратника Книгоцентра в деле распространения.

Журнал «Комбайн» имеет тираж в 23.000 экземпляров. Вот что происходит с 12 номером этого журнала: печатает даст перевозчику Книгоцентра заявку на 23.332 экземпляра. Через несколько дней он возвращает обратно 1.500 экз., как лишние, а потом, учтя свою ошибку, просит прислать еще 1044 экз., как недостающие. Газета «За пролетарское искусство» на 1 августа имела 5388 подписчиков. С номером происходит аналогичный казус. Печатает потребовала для рассылки 5343 экз., и через несколько дней первая 709 экз. как лишние. Газета, пролежав на почтамте, потеряла свое значение. 709 экз. пришлось выбросить в утильсырье.

Почтамт рассылает журналы с наклейками, которые в большинстве случаев так плохо отпечатаны, что разобрать на них адрес почти не представляется возможным. Поэтому журналы шлются возвращаются обратно, как не известно кому принадлежащие. Почтовая агентура работает небрежно и безответственно.

Все эти недопустимые безобразия крепят большому делу. От редакции журнала «На лиговку» бригада получила пачку писем с жалобами местных несознательных и отдельных подписчиков на безобразное распространение журнала.

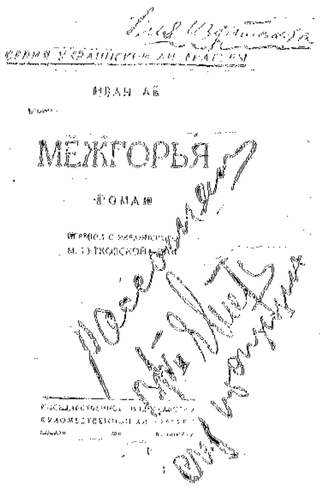
Бригада ГИХЛ:
Н. ВАРМУШ
БАРАХВОСТОВ

перестройки нет

Полтора месяца прошло с момента опубликования постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе, но никаких изменений в работе ГИХЛ не произошло. Реорганизация издательства завязла в резолюциях и декларациях. До сих пор нет никаких конкретных деловых мер приятий. Комиссия, созданная для проведения реорганизации на основе постановления ЦК ВКП(б), проявляет поистине черепашьи темпы. Проект реорганизации до сих пор не утвержден ни ОГИЗ, ни правлением ГИХЛ.

почему?

Роман украинского писателя Ивана Ле «Межгорье» при всей своей спорности, является безусловно одним из наиболее интересных и значительных произведений украинской литературы последнего года. Партийная и пролетарская



обложка книги ив. ле.

общественность Украины с большим вниманием отнеслась к роману Ив. Ле. Он послужил материалом для оживленной дискуссии, вокруг него разгорелись большие споры и т. д. Достаточно сказать, что в украинской печати роману Ле была посвящена не одна статья, в том числе роман подвергся пространному разбору со стороны зам. культпропом ЦК партии Хвили.

«Межгорье» были переведены на русский язык и правлением ГИХЛ для серии украинской литературы. 16 мая роман был сдан в производство и таким образом... ежели бы дело было не в ГИХЛ, в июне—июле русский читатель мог бы познакомиться с интересным произведением Ле.

Но дело было как раз в ГИХЛ... А потому: 29 июня было дано распоряжение о рассыпке набранного и сверстанного романа. Через 11 дней эта операция была проведена. Все эти данные читатель может почерпнуть из вышеупомянутого клише внутренней обложки романа Ле.

Уже самый факт рассыпки набранной книги в несколько сот страниц — лишний штрих для характеристики «четкости» гихловской работы, «экономного расходования» средств и т. д.

Но речь сейчас не об этом. Интересно, какими причинами руководствовались при рассыпке набора «Межгорья»? Обычно так поступают с устаревшими книгами или с негодными. К «Межгорью» не относится ни то, ни другое определение.

Что же это? Очередная опечатка?

М.

приветствие м. горького собранию работников огиз

«Дорогие товарищи. Сожалею, что из-за болезни я лишен возможности вместе с вами принять участие в обсуждении доклада тов. Халатова «Об издательской работе на новом этапе». Я считаю, что задача всей армии культурных работников — издателей и полиграфистов, авторов и редакторов — в том, чтобы точно и возможно скорее выполнить постановления ЦК коммунистической партии по этому вопросу. Вам необходимо направить все силы на их выполнение и тогда — коллективным разумом и железной волей культурной армии — будет создана литература, достойная строителей нового бесклассового общества.

За дело, товарищи. Я целиком с вами в нашей общей работе.

М. ГОРЬКИЙ

творческая дискуссия в молнии

прения по докладу тов. корнева

Доклад т. Корнева о показе героев пятилетки вызвал оживленные прения участников творческой дискуссии МОПКП

Тов. Астахов подчеркивает, что наличие типичных недостатков в очерках объясняется узостью кругозора начинающих писателей, тогда как некоторые критики готовы ухватить в нем заметны ликвидаторщины. Это — грубая ошибка.

Т. Беккер подчеркивает чрезвычайный примитив в описании героя, которого якобы непрерывно награждает богатырским сложением и неудержимой физической силой. Говоря об эмпиризме в фразеологии, т. Беккер объясняет эта недостатки желанием автора чрезмерно выпятить трудовым, происходящим из механистического подхода к показу героев. Задача пролетарского писателя дать такой показ положительного человека, при котором он, оставаясь реальным и типичным, не превращался бы вместе с тем в конфетного героя.

Тов. Ольхин констатирует неудовлетворительные результаты и отсутствие настоящих сдвигов в создании высококачественных произведений пролеткультовских писателей. Секретарь центрального совета, — говорит Ольхин, — в своем последнем обращении отметил, что организация недооценивает значения показа героев труда. Но видим ли мы, какой либо сдвиг сегодня?

Недооценка генеральной темы пролетлитературы объясняется недостатком мировоззрения писателя.

Выступивший затем т. Осторгорский дал объяснение ряду сомнений, высказанных героев социалистического труда, стей, встречающихся у писателей в описаниях героев социалистического труда, и подробно остановился на вопросах жанра, на «кризисе» поэзии и состоянии критики.

— У некоторых писателей сложилось такое мнение, — говорит т. Осторгорский, — что показ героев труда — монопольная очерка, а перед остальными жанрами эта проблема вообще не поставлена. Это абсолютно неверная постановка вопроса. Герой труда должен быть героем всей литературы.

С задачей показа героев не справились ни писатели, ни критики. Отсюда надо сделать все организационные и политические выводы.

Тов. Романенко заостряет внимание на двух опасностях, заключающихся, с одной стороны, в схематизме и упрощенчестве, а с другой — в искусственном вынчивании, в преувеличении и идеализации героя.

Много внимания в прениях уделено вопросам критики (Астахов, «Колосья», теория «Утильсырья» (т. Рахевский), личным трудностям в походе в создании произведения о героях (тт. Богданов, Минаев), отсутствию четких установок и конкретных критических указаний со стороны критики и квалифицированных писателей (тт. Андронов, Дальний, Андреев, и др.).

Е. П.

производственное совещание — в систему работы очеркистов

Неслыханный размах наблюдается за последнее время в развитии пролетарского очеркизма.

Очерк—боевое оружие в руках пролетарского писателя. Очерк — «разведка боем», вместе с тем очерк—результат пристального изучения действительности, изучения не со стороны, а в процессе непосредственного участия автора в деле революционного социалистического преобразования действительности.

Пролетарские очеркисты—от ударников только что вошедших в литературу, до выдвинувшихся, зрелых в художественном отношении товарищей—создали не мало актуальных, политически заостренных и направленных произведений своего жанра.

Но до сих пор пролетарский очеркизм развивается стихийно. Большинство очеркистов представлены самим себе. Не ведется работа по изучению, обобщению всего уже богатого опыта пролетарских очеркистов, равно как и всеобщие очеркистов советской страны, а также очеркистов стран капиталистических. Нет еще достаточной ясности и в определении очерка; проблема пролетарского очерка, как жанра—задача, которую еще предстоит вооружить лемехами марксистско-ленинской критики и литературоведения.

С работой над очерком в этом плане совершенно невозможно медлить.

С чего же начать? В начале этого года по почину РАПП работали производственные совещания очеркистов, поэтов. Производственные совещания очеркистов—это более или менее удачное начало работы по обобщению опыта очеркистов, осмысливанию, нащупыванию дальнейших путей развития очерка, начало борьбы против чуждых, классово-враждебных тенденций в очеркизме.

Производственное совещание очеркистов—это только часть единой и многообразной разъяснительной работы. Производственные совещания очеркистов предназначают на своем жаргоне участие общественную борьбу за выработку, за освоение очеркистами активного, последовательного диалектико-материалистического мировоззрения, продолжают борьбу за овладение, за разработку метода диалектического материализма в искусстве.

Работа производственных совещаний очеркистов заключалась в заслушивании и проработке отчетов-докладов очеркистов об их работе и об их дальнейших планах. Был проведен смотр законченных книжек очеркистов,—очень интересная, новая форма творческого производственного общения. На заключительном совещании, с участием представителей местных АПП, в докладах был дан обзор всего очеркового фронта классовой борьбы на этом фронте, были намечены вехи дальнейшего пути.

Это производственное совещание показало бесспорную свою жизненность, целесообразность. Практика показала, что производственные совещания — новая, чрезвычайно действенная форма работы, что вместо эпизодического созыва таких совещаний надо развернуть постоянно действующие творческие объединения. Это было подтверждено известным постановлением секретариата РАПП.

Вместе с тем производственные совещания очеркистов, созванные впервые, естественно, организованы были недостаточно хорошо. Проработка вопросов была недостаточно глубокой. Материал собран был далеко неполный. Наконец, даже интереснейшие стенограммы производственных совещаний очеркистов не были изданы.

Работа производственных совещаний по жанрам должна быть немедленно развернута.

Мы предлагаем организовать при журнале «Прожектор» постоянно действующее производственное совещание пролетарских очеркистов, работающих в Москве. Это совещание должно сконцентрировать и изучить опыт работы пролетарских очеркистов, продолжать и развивать практику уже работавшего в Москве производственного совещания.

В работе пролетарских очеркистов чрезвычайно сильны элементы эмпиризма, на их работе лежит тяжкий отпечаток недостатка последовательного диалектико-материалистического мировоззрения. Производственное совещание очеркистов должно быть такой творческой школой, в которой пролетарские очеркисты, ударники и первую очередь, росли бы не только в области творческой, но и как материалисты-диалектики. Не только сконцентрировать весь опыт пролетарских очеркистов и изучить его, но осмыслить его философски —вот задача. Развернуть философскую учебу, овладеть богатейшим наследием, которое имеется в деле овладения которым пролетарский очеркист не может развиваться столь успешно, как это надо, в наше время,—все это должно найти последнее отражение в работах производственного совещания.

Конкретно мы предлагаем в течение октября—декабря заслушать отчетные доклады пяти очеркистов о своей работе, критические доклады об их творчестве и основательно проработать этот материал. Мы предлагаем проработать доклады о творчестве очеркистов народников: Гл. Успенского, Ивк. Успенского, Решетникова, Вл. Короленко.

Пролетарские очеркисты не могут не изучать величайшего творческого опыта, мастерства, неразрывно связанного с практикой революционной классовой борьбы. — А. М. Горького. Мы предлагаем поставить и обсудить на эту тему особый доклад.

Пролетарские очеркисты советской страны обязаны изучать не только свой опыт, но и опыт очеркистов капиталистических стран. Мы предлагаем организовать эту работу, при помощи работников МОРП.

Выражая удивление перед фактом бюстительного отсутствия руководящих работников МАПП и работников Гублитбюро МАПП уже на двух предварительных совещаниях очеркистов, мы уверены, что очеркисты-мановцы примут активное участие в работах производственного совещания.

ИВАН ЖИГА
ВЛАДИМИР СТАВСКИЙ

Очередное производственное совещание очеркистов состоится 8 октября в 6 час. вечера в помещении журнала «Прожектор» (Тверская, Настасьинский пер., д. 6, по двору, 2 этаж).

Читают очерки из книг о Донбассе и о Кубанской станице Иван Жига и Владимир Ставский; обсуждается план работы на октябрь—декабрь.

Вход свободный.

гиганты социалистической индустрии требуют полноценного художественного отображения среди книг

из поэмы „укк“

«За эти годы СССР сделал такие успехи, которые нам иной раз немогда даже подытожить. И на-ходу, не замечая, мы обгоняем по производству чугуна Англию, для нас эти и подобные факты становятся повседневным бытовым явлением. Советская страна бешено идет вперед, не замечая тех гигантских достижений, которые у ней накапливаются» (Г. Лимэ).

Кузнецкий и Магнитогорский гиганты металлургии — предприятия, о которых американская инженерная компания отзывается как о «самой крупной отдельной строительной программе, которую пытались осуществить в мировой сталькой промышленности за последние 25 лет».

Предлагаемые вниманию нашего читателя стихи, представляют собой отрывки из поэмы Константина Матрайкина об Урало-Кузнецком комбинате.

Стеклянные двери. Господин, Неуверенно
Лестницу за лестницей мерит... Куда ж?
И вот мы взлетели на пятую вершину,
То есть на пятый этаж.

Кабинет Томова. Длинный стол,
Зеленое сукно течет по краям...
Карта Сибири пестрыми листами
Выбухает из рамы.

Зашаркали стулья. Затем тишина
Почтенным караулом окружила здание,
Ветер порвался в раскрытые окна...
Томов открыл заседание.

Что здесь было—не суть.
Но частности было здесь?
Кто говорил: Ваксберг? Или Жоллет
Жюль-Верн? Или Коллет

В железных рядах вывеска «кулеш»
Пользовал, как город Кузнецк.

Вдруг вытянул шею, крикнул: «барр»...
Я подошел, я спросил... а когда
Он захохотал, взлетел: «барр»...
Я прокричал: «барр... ахалда».

* *
*

В одной из телеграмм, посланной на Краз
В семнадцатом году (годы восстаний),
Владимир Ильич протягивал
Разработать проект создания:

«Единой хозяйственной организации,
Охватывающей область горно-металлургической
Промышленности Урала и Кузнецкого
Каменноугольного бассейна».

Но что зависит один большевик,
Та —
требую сжимая дрожащей рукой,
не в силах сдержать плачущим крик—
Кулешов исполнить другой.

Бурные годы врывались в подсознь...
Они нас требовали вырастать...
И вот, на шестнадцатом переезде
Реал машину Сталин.

Слова бьются в стены, и сусло,
Запомнив даты их рождения...
Слова перекатывают через рамы стаскать
Как гаики—через проволочные ограждения.

«Новое в развитии нашего народного хозяйства
Состоит, между прочим, в том,
Что на базе
Стали для нас недостаточной,
Новое состоит в том,
Чтобы,

Всемерно развивая эту базу
И в дальнейшем,
Начать вместе с тем
Немедленно создавать вторую
Угольно-металлургическую базу.
Этой базой должен быть
Урало-Кузнецкий комбинат:
Сочетание кузнецкого
Коксующегося угля
С уральской рудой».

Слово вождя—это не слово,
Это уже поэтика.
Оно проклятия обросло,
Из крылья газет страну обметело.

Оно поднималось на бронзу трибун,
Спускалось в цеха, не боясь исчахнуться,
Оно растаскивало! Подымало бунт
Среди обывательской спячки.

Его, с мрамора, и висы весло,
Оно изваяние было с возвышения,
Оно, как скелет, обросло
Мясом предположений.

И вот, когда уж лед был сломан,
И первой пилой весна загудела —
Это бесплотное слово
Превратилось в живое дело.

Оно вздуло искусств струну,
Мобилизовало комсомольцев,
Оно всколыхнуло всю страну,
Взбудоражило, как солнце!

И вот — в горах, в лесу
Экскаваторы землю выбрасывают...
С кровью, с корнями, как зуб,
Обломовщину выдирают.

И там, где случайно, когда-то,
Лесь обрывка копыта —
Выросли фабрики, города —
Полустанки нового быта.

Приглядываясь к этим корпусам,
Сошлись и пересчитав —
Американская инженерная компания
Начает друзьям, доброжелателям:

«Мы предупреждаем вас, чтобы вы
Не недооценивали и не преуменьшали
Величину кузнецкого предприятия...
(переводу на русский: «не теряйте головы,
дорогие приятели»)

Оно является самой крупной
Отдельной строительной программой,
Которую пытались осуществить
В мировой стальной промышленности
За последние двадцать пять лет.
(переводу: «Это не пустяки» —
Ясно без комментариев)

И вот, это слово дождя
В бой ведет миллионы.
Оно проходит звонкой дождя
В засушливые районы.

Оно трубит—словно
Клич в самом главном—
Оно проходит звонкой дождя
На заседании Госплана.

Но что ж там было по сути,
Но частности были так,
О чем говорил Кислюк,
Высчитывая по годам?

Тянет карта. И лампа
Бьет нифр шрифта,
Но она помечения таблицы
УКК.

Вот она, тайна темы,
Рваные хронологические интервалы.
Жизнь сама выдвигает тему,
В оригинальнейшую из форм.

Москва 1931 г.

Здесь, вместо бесконечных слов,
Нервных, как клоуны в цирке
Скерцовцем эксперимент несло
Гранные глыбы цифр.

Я задыхался! Мне казалось,
Что это слишком... Недоумевалась
Бровь...
Я видел, как судорожно сжались
Жала кисть, держа перо.

Я тогда не стерпел, кажется,
Я кричал вам, кажется:
— Илья Львович, вам не кажется,
Что вокруг—сумасшедшие фантазии?

А цифры, звенящие, как рубли,
Кружились, метались по сознанье...
Они убеждали, нарывали, рубили
Кого-то, чего-то... помните?

Цифровой шар набухал, густел,
Он разворачивался на четыре кварты...
Я обернулись... рядом сидел,
Покрыв мраморным висок поседелый,
Иван Гаврилович Александров.

Я не сдержался! Я пощупал его костюм:
Подлинный? Он ли? Живой ли?
А цифры трещали, взрывали костры,
Раздуваемые гигантской полей.

Графики расчет и диаграмный куб,
На нем, кажется, обезьянили Обломовы...
Я запомнил добродушный
иронический малый куб
Что-то крикливого Ломова.

Я вышел тогда! Я задыхался!
Кажется падала доска?.. Высота ли
Падала так?.. Я сорвал галстук—
Не легче не стало!

Также свистящей сталей пыльно
Обдал меня. Я оглянулся. Жив!
Кругом нарастали, плыли, бахя
Железные фонтаны цифр.

На Красной — бойцы кричали: «Ура»!
А я повторял: Урал... Урал.

встреча ударников, призванных в литературу, с журналистами-рабкорами

Дом печати совместно с редакцией «Рабочей газеты» и МАПП организовал в октябре вечер, посвященный годовщине призыва рабочих-ударников в литературу.

И. Макарьев в своем докладе потвердил годовщины призыва и осветил задачи, стоящие перед фабрично-заводской печатью на литературном фронте.

— Фабрично-заводская печать еще не повернулась лицом к задачам призыва ударников в литературу. Нередко заводские газеты пренебрежительно относятся к вопросам литературы и к работе кружка на предприятии.

Выступление в прениях рабочие-ударники, призванные в литературу, сообщили, что редколлегии заводских газет, подавляющие творчество ударников. Квалифицированные писатели также мало помогают творческому росту ударников, призванных в литературу.

Об этом же говорили в своих приветствиях Арт. Коллонтай и В. Филов.

В литературно-художественной части вечера выступили с чтением своих стихов рабочие-ударники, прочитавшие произведения об ударниках. На вечере выступил А. Безыменский, который прочитал свою поэму «Трагедийная поэма» и отрывки из поэмы «Стихи делают сталь».

среди книг

социалистические предприятия в кривом зеркале халтурщиков и приспособленцев

больше классовой бдительности в работе издательств!

литературные упражнения „украинского робитника“

О Днепрострое написано много. Однако — тема днепровского строительства за немногим исключением до сих пор не нашла достойного воплощения в художественном произведении. До сих пор находятся люди, которые пишут о Днепрострое или чепуху, или классово-враждебные книжки.

Мы говорим о брошюрах Сидельникова и Демина, изданных в 1931 году «Украинским робитником».

Судя по названию—«За 500.000 кубометрів» — Н. Сидельников пытался дать очерки о первом встречном, о 1930 годе — его весне и лете. Когда в котловане уседнего поток на берегах и на ГЭС рвались судьбы 500.000

Но Сидельников не сумел показать большевистского Днепрострой. В книге говорится о пьяницах-кулаках, о разложившихся бюрократах, о попах, вокруг Днепростроя, словом, — о человеческом шламе, который, по мнению автора, и есть основная масса строителей.

В первой главе автор очень просто решает вопрос о темпах:

«Не дрейфить перед трудностями» — сказала парторганизация Днепростроя.

«Всегда готовы» — ответила двухтысячная армия комсомола.

25-тысячная армия Днепростроя дала обещание энергично бороться со всеми трудностями, добиваясь выполнения стройфинплана.

Но Сидельникову, сегодня партия дает знак, завтра массы бросаются в бой. Гром победы, автор доволен, все хорошо. Получив доброжелательный паспорт на 100-процентную идеологичность, автор снова берется за армию строителей, разсматривает ее и превращает в армию летунов, рвачей и чужаков.

В следующей главе — «На строительстве» — Сидельников рассказывает, что строить социалистический город и гидростанцию едут сезонники со всех концов СССР, но кто они — неизвестно. Зато мы узнаем, что среди них «есть и кулацкие». Буквально одна строчка! Зато, как хорошо перечислены все типы чужих элементов. Кулаку Куринному отведена пять целых глав. Немало говорится о забастовке кулаков на скале «Дерчей». О том же, как велась классовая борьба на строительстве и как чужаков со строительства выбрасывали — ни слова.

В следующей главе вместо описания тех, кто живет и работает строители Днепростроя, сказано, что все население интересуется только каруселью.

«Ребята, лезем, сторонки... уже идут туда где трещотке барабан, где катерина играет «Пленщицкий девичек», где клоунчик (?!) жаль». (Стр. 16).

В конце главы, вместо вывода, автор дает такой диалог:

«Веселая жизнь началась.

А ну ее... надоело. Шпрыгнем да карусель. Поехали... Поехали?

Едем в Вознесенку в пивную».

Дешево, с полным знанием дела описано, как пьянствуют в Вознесенке.

Что пишут? — «Кулькомитета разбома строителей стоит в стороне от масс» (стр. 23). «Почем рабочие задыхались в четырех стенах клюз и т. д. Все это делал профсоюз. «В результате — пьянство» (стр. 25).

Итак, на одном из лучших строительств, на глазах у всего СССР, профсоюз налевается над рабочими, морит их в четырех стенах клюз, душит шампанской и толкает пьяных в пивную». Но автор не смущается. У него рабочие пьянствуют даже в столовых и бараках.

Далее автор показывает, что в бараках сильно простуждал, и делает такой вывод: «Вот нутро быта сезонничков».

Правда автор делает попытку поправиться, заявляя, что так было в 1929 г.

Автор сознательно умалчивает о том, что во все годы строительства на участках были открыты клюз и зимнее помещение использовалось только, как дополнительная площадь. Он не говорит о том, что на каждом участке существуют десятки коральных бараков, что свыше 40.000 рабочих обучается в различных школах и кружках; он на слова не говорит о том, что в 1930 году 90 процентов населения Днепростроя все лето, днем и ночью, ликвидировало неграмотность.

Никоем автор не показывает, как с помощью рабочих заловка, черных касс и массово-политической работы были ликвидированы прогулы.

В своей брошюре автор выводит себя, как комсомольского поэта. Подобного сам автор из себя Недовка). Правда, он пописывает стишки, но никогда не был настоящим комсомольцем. Сидельников-Недовка был выброшен со строительства, как лжегуляник, как чужак, волнующий тесную кампанию с кулацкими элементами. За то он был исключен из партии.

— «Вредная книжка — сказали лаборуководы Днепростроя, — мы требуем немедленно изъять ее из продажи».

Другой автор, А. Демин, написал книжку о бывшем Гоманьке. На титульном листе он почему-то назвал себя «рабочим-строителем», хотя никогда не работал на производстве, и в ударниках не числился.

Брошюру о бывшем пане рассматривать как документ об ударной работе, о лучших людях, о способах организации труда и т. д.

Но книга эта не может быть документом, потому что она сплошь бульдожна. Бригада Романько не была лучшей комсомольской бригадой, как это пишет Демин. Лучшими были бригады Бондаря, Стоянового и Ткаченко, в которых на человека приходилось за смену от 40 до 48 кубометров бетона, тогда как в бригаде Романько 27.

Неудачный пьян выпустил бригаду Романько подняла в 1930 г. газета «Комсомолец Украины» и вела комсомольскую общественность в заблуждение.

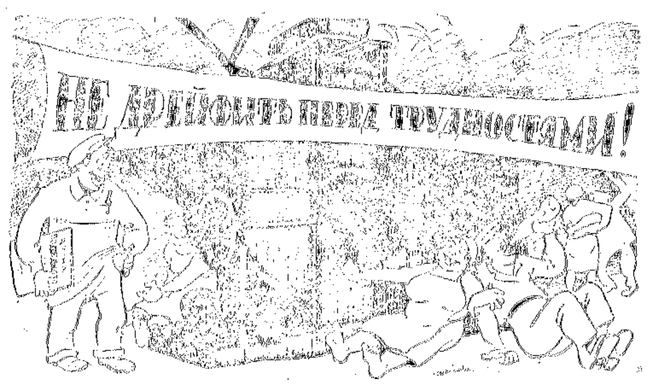
Из первых восьми страниц помещено обращение комитета ЦК ЛКСМУ. На лицевой странице помещается Женя Романько. Ее за коллективным прилавком идут осеняет мысль:

— «Одна человек, — какую пользу он дает, особенно девушка? Но вместе с этим — индустриал! Темпы... Что делать? Так родилась идея — создать бригаду».

Потом — «энтузиазм на плечи», бюрократизмение райкома, затем поход на бетон. Песня на бетоне, опять песня только наоборот.

„веселая жизнь началась“... или

рис. н. елисеева



что сидельников сидит,
то благонадежный лозунг сидит

(стр. 20—22—24), потом хор ребят «бацом в ушкой» (?) и т. д.

У Демина люди говорят, что-то думают, но не работают.

Если бы на обложке брошюры и в предисловии автор не указал, что дело происходит на Днепрострое, читатель никак об этом не мог бы догадаться.

Книжку Демина нельзя было издавать без серьезной переработки. Это сырой недоработанный ошибочный материал, над которым надо было еще много работать.

ВЛ. ВАГИН
И. НАРАКОВИЧ

смеяться мало

о книге и. ладыгина „свирьстрой—в 4 года“ *

И. Ладыгин выпустил книгу, посвященную книгу, которая должна была бы рассказать пролетариям Советского союза о Свирьской гидростанции.

В предисловии книги указано, что автор преследовал цель рассказать о «делах ленинградского комсомола и строительство Свирьской ГЭС. Поэтому автор скромно берет на себя задачу дать «общие показатели размера Свирьстроя».

Большим последствие. Мы правдиво поражены многочисленными открытиями автора. Одним росчерком пера он заставляет Свирь течь «из Ладоги в Онежское озеро» (стр. 5), тогда как практика показывает совершенно обратное. За этим «открытием» идут не менее поразительные открытия в области техники. На той же странице автор, заблуждаясь от восторга, уменьшает о «высокой черемуше за металлических свай, плотно прижатых одна к другой и плотно проникаемых, на дерева, камня и песка. Открыто металлических свай не дерева, камня и песка должно быть немедленно отмечено в науке, ибо до сих пор считалось, что металлические сваи могут быть только металлическими, а не из дерева, камня и песка. На 7 странице автор сообщает, что Свирьская ГЭС даст ленинградским заводам 80.000 киловатт электроэнергии, а на 4 читаем:

«На станции будут установлены 50 огромных генераторов, 4 из них по 30.000 киловатт и 1 в 37.500 киловатт».

Простой арифметический подсчет показывает, что мощность станции выражается в 157.000 киловатт. По ладыгинской «математике» мощность ее определяется в 80.000 киловатт.

Помимо этих крупных ошибок в книге не мало и более мелких. Отметим как об этом не мог бы догадаться.

Книжку Демина нельзя было издавать без серьезной переработки. Это сырой недоработанный ошибочный материал, над которым надо было еще много работать.

ВЛ. ВАГИН
И. НАРАКОВИЧ

смеяться мало

о книге и. ладыгина „свирьстрой—в 4 года“ *

И. Ладыгин выпустил книгу, посвященную книгу, которая должна была бы рассказать пролетариям Советского союза о Свирьской гидростанции.

В предисловии книги указано, что автор преследовал цель рассказать о «делах ленинградского комсомола и строительство Свирьской ГЭС. Поэтому автор скромно берет на себя задачу дать «общие показатели размера Свирьстроя».

Большим последствие. Мы правдиво поражены многочисленными открытиями автора. Одним росчерком пера он заставляет Свирь течь «из Ладоги в Онежское озеро» (стр. 5), тогда как практика показывает совершенно обратное. За этим «открытием» идут не менее поразительные открытия в области техники. На той же странице автор, заблуждаясь от восторга, уменьшает о «высокой черемуше за металлических свай, плотно прижатых одна к другой и плотно проникаемых, на дерева, камня и песка. Открыто металлических свай на дерева, камня и песка должно быть немедленно отмечено в науке, ибо до сих пор считалось, что металлические сваи могут быть только металлическими, а не из дерева, камня и песка. На 7 странице автор сообщает, что Свирьская ГЭС даст ленинградским заводам 80.000 киловатт электроэнергии, а на 4 читаем:

«На станции будут установлены 50 огромных генераторов, 4 из них по 30.000 киловатт и 1 в 37.500 киловатт».

Простой арифметический подсчет показывает, что мощность станции выражается в 157.000 киловатт. По ладыгинской «математике» мощность ее определяется в 80.000 киловатт.

Помимо этих крупных ошибок в книге не мало и более мелких. Отметим

Из заявления Ладыгина, на Свирьстрое работает 17 «единственных в СССР дерриков», привезенных с Днепростроя (стр. 31). Между тем дерриков установлено уже не 17, а 24 (будет 32), а с Днепростроя привезено только 2 деррика, а не 17, поэтому, деррики не единственные в СССР, они имеются и на других строительствах.

Ладыгин выдумывает какой-то несуществующий «хвост плотины» и заставляет больной экскаватор, забравшись в котлован, углубить дно реки (стр. 10).

Книга Ладыгина неправильно оценивает комсомол Ленинграда о Свирьстрое. Она полна статистических погрешностей. Она не показывает героической борьбы комсомола Свирьстроя за темпы.

Не меньше ошибок и в директивной части книжки. Она странице 24 сказывается, что «пропущены сроки сдачи 35 шлюзовых ворот». Между тем ребятам известно, что на Свирьстрое будет единственно с двумя воротами. На 25-й странице говорится, что «Красный путиловец» на свой «нижний пояс для шлюзов», а шлюзов-то всего один.

Как будет руководствоваться этой книжкой комсомол Ленинграда в борьбе за своевременное окончание станции — неизвестно?

Сейчас на Свирьстрое над книжкой Ладыгина смеются все от мала до велика. Комсомольские ударные бригады Батьянка и Николаевка, которым посвящена эта книга, с досадой отмахиваются от книги. Но смеяться мало. Надо, чтобы в практике работы наших издательств не было подобного брака.

И. АГАФОНОВ, В. ТЯМКОВ.

* Изд. «Молодая гвардия», 1931 г.

корнелий зелинский

как творится новый человек?

о повести а. митрофанова „июнь-июль“

«Повесть «Июнь—июль» — это не «новинка пролетарской литературы». Это новинка литератора-пролетария, где чаще сталкиваешь больше «старинки», нежели подлинной новизны.
Так определяет К. Зелинский не автора А. Митрофанова.
Прав ли он? — спрашиваем мы критиков, писателей и читателей, знакомых с повестью А. Митрофанова.

Ну, как бы так сказать о Митрофанове, чтобы сразу стало ясно, в чем дело? Словом — этот потомственный пролетарий, большевик, типографщик прошел «университет» крепкой комсомольской работы, наконец, рационалист, — по всем данным категорий человек, пытающий кулаки и прямолинейно, неприбегая к всяких сантиментов и «деталей».

Ан, опрокинул Митрофанов все эти геометрические предположения — ну, можно же ошибиться — с «классическим» пролетарием. Написал он повесть «Июнь-июль». Повесть в высшей степени дерзкотворческую, со всякими там стилевыми экспериментами и всякими отсебятинами. Когда из-под пера вышла мирная в прошлом поэт и «поэтов», она произвела даже своеобразную «отдачу» в интеллигентских кругах.

— Ой, Митрофанов, — говорили удачливому новатору, — что-то, ты чересчур всем понравился. Вспомни-ка, что Бебель говорил о похвале чужих?

Но это этим повесть (теперь выпущена отдельным изданием в ГИХЛ) вызывает на принципиальные разговоры. Эта небольшая повесть поиск маленького автора заслуживает, по моему, стать в центре нашего внимания по следующим мотивам: 1. Ее замысел — формирование нового человека в рабочем классе, человека, обладающего развитой и сложной культурой. 2. В разрешении своей темы Митрофанов обнаружил существенные художественные мастерство, сжиную обращающие на себя внимание одаренность. 3. Но одновременно Митрофанов идеологически исчерпал с точки зрения задач своего класса, тому нужно человека, отличающегося при ее разрешении на порочный путь. 4. Наконец новые высокие художественные качества, глубокие творческие поиски и вместе с тем серьезнейшие идеологические пороки обнаружились в почтенном, выходцем из самих рядов рабочего класса, на рядах его авангарда, в рассвете нового понятия, неустрельно смыкающегося с всеми ударниками, пишущими в литературу.

Все это должно быть отмечено. От Митрофанова не отмахнешься так просто, не сбросишь его со счетов, не пройдешь мимо. Недаром Л. Авербах назвал его одним из интереснейших пролетарских писателей.

Митрофанова легко «угробить» единым идеологическим маком, так как повесть его идеологически чрезвычайно тонкима. Митрофанова легко по-интеллигентски «захвалить»—сделать, глядишь — один брат рабочий, а утер нос интеллигентам. И эта последняя опасность в данном случае реальна, так как если пристраститься «тонкостями», мы можем проглядеть их классовое содержание.

Как сказано, замысел повести — новый человек, окристаллизовывающийся в пролетариате, в его боях, в «лаборатории» культурной революции, в духовном обогащении. Каким же? Новый культурный мир социалистического человека, пролетария, вступающего в социализм, возникает из всей суммы его классового опыта на пути к овладению миром вообще. Войдет ли сюда и наследство культуры старой, капиталистической и еще более ранних эпох? Ленин всегда отвечал на это положительным образом. Культура социализма будет вместе с тем и мировой культурой, вобравшей в себя всеи опыт «предисторического (по выражению Энгельса) существования человека. Но как войдет этот опыт? Не механически. Пролетариат — это не мировой Плюшкин. Войдет в «снятом» (по Гегелю), преображенном виде, как будет преодолена прежняя классовая функция той культуры.

Митрофанов не ставил перед собой всей суммы этих задач. В своей повести он лишь хочет обогащать пролетарий всей сложной культурой начальника, сознательней выйдет восприимчивой и высокоразвитой вершине интеллигенции. Задача в некотором роде полемическая. В ряду тем, кто, подобно Эренбургу, превращает рабочих в «уголовников». В отталкивание от того порядка, когда пролетарий был культурно «обужен» условиями своего приканиталистического существования. И вот на этом пути Митрофанов одновременно показывает действительное новое культурное качество, какую обогащенность и вместе с тем срывается и попадает в плен ложной сложности к тем, кто может пролетарии в три выгуда, подобно фигурам в кинокультуплакатах.

Повесть рассказывает о жизни рабочих одной типографии. Большинство из этих рабочих — коммунисты. Но центр тяжести не в сюжете повести и даже не в обрисовке ее героев. Сюжет, извлеченный из ее жизни, ничего не говорит: рабочий Ольшанин организует бригаду, ребята «звонят», спорят, влюбляются, лечится и т. д.

Но все это материал для интонационного («музыкального»!) рисунка. Сам Митрофанов по причине «мягких неясностей» предвидит свою повесть предисловием, что в повести «Июнь — июль» он «хотел показать рабочего парня, — добродушного, немножко созерцательного, любящего помечтать, который, пройдя сквозь строй самых разнообразных чувств, становится более воинствующим и «злым» большевиком».

По формулировке автором повести всего не является этот «рабочий парень» Ольшанин. В данного «более злого большевика» читатель из повести не почерпнет. В основе не лежит совсем другая вещь. Неестественная интонация созерцателя, который каждое явление или впечатление жизни оценивает и переоценивает, смакует, любуется им или «пренебрежительно», со скукой, от него отворачивается — вот, что является характерной стилевой чертой повести.

В этом художественном анализе мира, в увлечении его оттенков, серых звуков и красок Митрофанов показывает виртуозное мастерство. Вот, например, воспоминание о детстве:

...«Мать подымалась со скамьи, она раскрывала рот, чтобы крикнуть что-то в попутьму под деревьями, меноносовскую сопицем. Платья ее шумело; встанет, она закрывала спиной, рукавами, своей дрожатой — весь мир.

...Как неистовствовал тогда ветер. Сучья бодались в свистящей синеве. Тень от бесящейся листвы бросалась к дому, метаясь по комнатам, шевелилась в углу под тяжелым креслом. Обширный, обширный мир! Возможность выбора любого из путей! Это жизнь звала вся за собой — осмеянная синева силы неудержимой и огромной, — голос ее прекращался от волнения — воздух напоен от пыли, наступило затишье и, колеблясь, на лужайку падает дубовый лист».

Или вот сценок набегающего чувства:

«От дома напротив несло прохладой и запахом извести. Подвода, грузная непозвоп, загрохотала мимо угла с внезапностью обвала. Стремянников вздрогнул, словно его неожиданно и громко уличили в чем-то постыдном».

Или «обыгрывание» тропинки, пейзажа:

«У ветхого забора в глубина двора пробивась меж камней и пышно разросась, добравшись до середины площадки, густая трава — совсем как в глухом заколдустьи. Узная тропинка, желтевшая у его окна, казалась утемнительной и скучной, потому что, пробегая под зелеными флигелем, где по вечерам хрипел граммофон, и, дальше, огибая рассохшуюся кадку, она сама Ольшанина все настоячией и одному и тому же — к испытанному и горькому одиночеству».

Проследите повторяемые, отдельные характеристики, определения, данные Митрофановым. В них всегда присутствует время, культура впечатления при одновременно выражении стремится оценить, дать квалификацию. Все вокруг, вся природа, частности, неодушевленные предметы участвуют в психологических событиях, что рассказываются у героев повести. «Ольшанин заложил руки за шею, укоризненно болтнул ногой и дел спиной на подоконник». Или — «сквозь продостерегающие звонки трамвая», «добросовестное, даже, пожалуй, приятное лицо» и т. д.

Неправильно будет отмахнуться начисто от этой работы Митрофанова, успокоив себя — интеллигентщина, «настроения», фальшивая глубина. Нет, не только фальшивая глубина. В орнаменте, в образных узорах Митрофанова

А. МИТРОФАНОВ

«У ветхого забора в глубина двора пробивась меж камней и пышно разросась, добравшись до середины площадки, густая трава — совсем как в глухом заколдустьи. Узная тропинка, желтевшая у его окна, казалась утемнительной и скучной, потому что, пробегая под зелеными флигелем, где по вечерам хрипел граммофон, и, дальше, огибая рассохшуюся кадку, она сама Ольшанина все настоячией и одному и тому же — к испытанному и горькому одиночеству».

Проследите повторяемые, отдельные характеристики, определения, данные Митрофановым. В них всегда присутствует время, культура впечатления при одновременно выражении стремится оценить, дать квалификацию. Все вокруг, вся природа, частности, неодушевленные предметы участвуют в психологических событиях, что рассказываются у героев повести. «Ольшанин заложил руки за шею, укоризненно болтнул ногой и дел спиной на подоконник». Или — «сквозь продостерегающие звонки трамвая», «добросовестное, даже, пожалуй, приятное лицо» и т. д.

Неправильно будет отмахнуться начисто от этой работы Митрофанова, успокоив себя — интеллигентщина, «настроения», фальшивая глубина. Нет, не только фальшивая глубина. В орнаменте, в образных узорах Митрофанова

очевидел настоящий творческий мотор осмысления, умение выражать новое и художественно его запечатлеть. Для пролетарской литературы такое умение обрывка «врываться» в мир было бы шагом вперед, а не назад. Сравните хотя бы построение образа (допустим на какой-нибудь полезной теме, например, изображения пропеллера) у Митрофанова и у Ставского. Беда, допустим, Ставский составляет свою метафору «еще всего путем простого сопоставления (сравнения) пропеллера на берегу, как большая хищная птица. Слова сплетались—у нужда Шведова—как тяжелая свинцовая пуля), то Митрофанов стремится дать не только жалоньнь (фен или фрагмент в собственном смысле слова), но заставить метафору углубить мысль, перекинуть ее на детали внешней действительности.

Но что делает у Митрофанова в ситуации это стиля? Пока мы показали, как он ловко «стрелает из винтовки», но куда стреляет эта винтовка? И вот здесь умению видеть классовую мишень Митрофанову не меньше бы поучиться? Хотя бы и у Ставского. Митрофанов ошибается, когда пишет в предисловии к своей повести, что он, «увлекшись деталями пейзажа, не сумел до конца разоблачить «стремянниковщину» и противопоставить ей со всей силой настоящих классовой социалистической стройки». Интересующая порочность повести лежит гораздо глубже, — она в самом созерцательном стиле, в интонации «осмысления мира», в не переходящем его в новую классовую сознательность, в идеологическом оппортунизме.

Собирательным лагерем, которые пропитывается все эти настроения, и повести является отец на работах — Стремянников. Он старчен, человек начальный, неплохой, включенный на заграничную работу, но классово насквозь размагниченный, скиснет в условиях «мирного» строительства социализма, идеологическая брюква. Стремянников — друг Ольшанина по нижнем как войне — рассказывает в жизни этакая «теория сепа Гемета» и с «мистика добросовестности» пытает своими разговорами партийную совесть своих товарищей. Собственно говоря, «философия» у него особой нет. Знакомые четкие — «пределы времени кончилось, — говорит Стремянников, — новыми темпы, профборсоюзы, наконец». Или: «Ненадо-ка, теперь, обвеяна людей, заставь их прекратить мир. Приобретение гайки, да еще собачьи — болем и кровью — в Днепрострой, отливка стальной рулонной». «Дорогие фантазии». — «Только дурак или подлый называет машины. Но бо наступила еще время уважать их» и т. д. Стремянников выражает будто бы «классовый» стиль идеологической литературы произносить. Он говорит — «сладкой меня называй». Или — «в товарищ — сам Гемет» — «я не ходит с пятнадцатого как сельский дьячок после архиерейской службы. — благовест, стерва», и т. д.

На политическом языке все эти доморощенные «философии» и настроения называются троцкизмом. Ложная «революционность» Стремянникова, классово-враждебное его «бунтарство» против повышения социалистических «гаек», против любви населения «профбюрократов» в повести Митрофанова не имеет настоящего противопоставления или отпора. Не больше, все герои не говорят и двигаются в этой манере мелкобуржуазного оппортунизмами, и в людях подчеркиваются не их классовые черты, а индивидуалистическая особость, утверждается право на замкнутость душевной жизни. И если Стремянников говорит, что «ему надоело переводить великолепные кочевьские жизни на плоскости марксистское перечка», что «жизнь необычайна, пенка и обильна, — это открывается его взору в тысячах новых потребностей», — то ведь именно так оно, жизнь, открывается и Ольшанину и Митрофанову. И сам автор очень часто предпочитает «космозычие», игру с смысловые оттенки, стремлению вплоть даже попытке, чтобы свивать эти оттенки звучало «наречие» его класса.

Установка на бесперспективное осмысливание (причем на осмысливание лучше, индивидуалистическое, а не классовое) ведет на стиль Митрофанова отличается большого субъективизма, иногда натянутости. Например, Вот пишется (значит, что же это говорится о рабочих): «Он сумел пасть и отчаяние закончено и точно»... «Тень с кадменной усталости» посмотрела на свои ноги»... «Ротационное сверкает гидкости цветение презрительным движением»... «Посмотрел на нее с благоговейным отвращением»... «Он был прекрасен хитро прицеливающейся стеленности» и т. д.

«Надменность» и «презрительность» оказываются предметами психологического обихода у... советских рабочих, даже коммунистов. Сомнительно, чтобы эта «барственная» категория была характерна для пролетарского стиля. Затем эти взаимно исключающие друг друга по смыслу определения: благостное и отвращение, стеленность и прицел, за еще хуже — все это от интеллигентского косноязычия, все это чужое, нарочно мясы. Находец, немало всякого «сложного», даже дурной семинарщины мы встретим в разговорах рабочих у Митрофанова. Например, «хлеб бы ее на заметка, пока дух смиренномудрия и в ненависти еще не совсем бежал от любых идей» и т. д. Тут крыша не сплошет.

Все это не что иное, как «наследие стремянниковщина» Буржуазный субъективизм, разлитая в стиле, чужие, не наши, не пролетарские этапы, не интонации. А ведь оттенки лишь тогда революции классовый смысл приобретают. Это очень хорошо понимал Ленин. В одной беседе с А. Луначарским Ленин пишет по поводу реставрирования его взгляда в России «Материализма и эмпириокритицизма»: «Пожалуйста, не сглаживай ничего на мест против Богданова. Лупачарского и К°. Незаменимо смягчать. Ты выкинула, что Чернов более «честный» противник, чем они, и это очень жаль. Оттенок вышел не тот. Соответствия во всем характере моих обвинений нет. Ведь вовсь в том, что наши мажисты нечестные, подло-трусливые врали марксизма и философии».

Оттенок выбирает идеи, мысль. И недостаток «оттенка» есть недостаток мысли. Таким образом троцкистский пузырь стремянниковщины получается не случайно, а закономерно на позе всего стиля повести «Июнь — июль».

Разумеется нельзя адресовать стремянниковщину непосредственно автору. Но из всего сказанного вывод — повесть «Июнь—июль» это не «новинка пролетарской литературы». Это пока что «новинка литератора-пролетария», где часто сталкиваешь больше «старинки», нежели подлинной новизны. О чем же говорит появление ее? Внутренний строй, определяющий ее художественное построение повести, носит на себе неестественную печать влияния чуждой пролетариату идеологии. С этой стороны мы могли бы рассматривать книгу, как продукт отсталых «окоторабочих» настроений. Несомненно в известной доле это так и есть. Но эти настроения в Митрофанова и сомкнулись в творчестве его через различные наносные литературные влияния «олешо-пастернаковского» порядка. Отсюда налет на книге интеллигентщины, игры в действительно пожную глубину. Статичность, идеологическая стеклянность отягощает книгу. Но она противоречива. В ней есть и здоровые элементы, настоящий здоровый творческий темперамент и сила освобаной культуры.

Разумеется, повторю в заключение, пролетарий это не зрелищеговский «усовершенствованный коммунистический человек», с дурной расположенной, как николаевская бодка. Но сложность, культурная обогащенность нового человека это есть качество принципиально нового порядка «Врубовая машина» художественной мысли Митрофанова показывает довольно высокий класс работы, но в значительной мере еще старыми интеллигентскими методами. Понимает ли все это сам Митрофанов? И думаю, да. Хотя я не считаю его предисловию самокритику исчерпывающей в этом смысле, но он имеет все необходимое и достаточное, чтобы решительно переключить свое творчество. Митрофанов обещает следующую вещь «написать реконструктивней и проще». Ну, чтож, расценим его «неорганизованность (в классовом смысле) выступление в «Июне—июле» как своего рода «запытки дня», доказывающиеся порежением, но показавшие силу, я буд и ждать его «октября». Теперь же мы должны взять Митрофанова в крепкий критический перелет. И это будет лучшей помощью читателю его повести и самому талантливому, обещающему автору.

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

ПОЧЕМУ ГОЛОС РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ ЗВУЧИТ ПРИГЛУШЕННО?

неудача „семейной хроники“

[1] Основная мысль «Семейной хроники», как мыслит Саянов в предисловии к ней, сводится в том, чтобы показать историю мелкобуржуазной, полупролетарской семьи, ее разложение, крах мелкобуржуазных путей и «победу пролетарского начала, закрепленного у лучших людей семьи». Кроме этого, в «Семейной хронике» ставится еще один важный вопрос, переплетающийся с первым, — это вопрос о «преемственности крови», вопрос о самом типе семьи и «семейственности», взаимоотношении биологического и социального с нашей точки зрения, в отличие от старых дворянского и мелкобуржуазного укладов.

Постановка всех этих вопросов вполне конечно законная и нужная, и разрешение их, на первый взгляд, Саянов дает совершенно правильно. Саянов демонстрирует гибель «лилей», прошедших по пути мелкобуржуазного буржуазного и общественно. Саянов декларирует о правильности пути большевика—«отца», линию которого, разрушая старые семейные традиции, ведут сыны и внук, осмысливающие преемственность поколений, как социальную преемственность.

Я знаю, вам теперь позорна эпоха,
Рассиженье, строй, штыки, наборы.
Из рук отцов мы взяли эстафету,
Чтобы, как выстрел, дернуться вперед.

Саянов подтверждает наконец прямой социальных связей над биологическими (основа типичный саянский мотив: победа ощущения социальной молодости над биологической старостью, мотив, играющий большую роль во всех его стихах последних лет).

Как будто все правильно.

Мало того. Эту правильность Саянов пытается облечь в плоть и кровь, сделать подлинно художественно правильной. Он пытается избежать пустого схематизма и декларативности. Его лирический голос не противоречит голосу революции, он не прячет внутреннюю ганзу под покровом ортодоксальных фраз. Саянов пытается говорить «своим голосом». Саянов пытается дать конкретные образы представителей семьи в их движении.

Это показывает, что Саянов, входящий в пролетарское литературное движение, поэт, пытается искусно раскрыть с точки зрения пролетариата закономерность нашей действительности.

И все же вся эта правильность оказывается при ближайшем рассмотрении связанной с грубой ненормальностью, порочностью не только отдельных звеньев мировоззрения, но и целой системой неизжитых мелкобуржуазных тенденций.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие истории развития Саяновых семьи от широкой общественной практики.

В «Семейной хронике» по сути не дано, несмотря на то, что говорится о участии масс и солдатских бунтах, и о буржуазно-демократических революционерах, и о революционерах пролетарских, ни нарастание буржуазной революции, ни своеобразие буржуазного развития в «связи с борьбой «русских» и «европейских» тенденций, ни роль пролетариата в буржуазно-демократической революции, ни, наконец, «формирование революционного сознания масс». Эта крайняя поверхностность переходит в совершенную злейшую беспомощность, в ряд прямых политических ошибок.

В стихотворении «Дедо» Саянов выводит террористов, но разбивает его только уже в обстановке после Брестского мира, а его деятельность до этого периода представляется в абстрактно-романтических, патетических тонах:

Ты в воле не тонул, ты в окне не горел,
Ты скитался от пуль и казня,
Ты бомбистом встречал на промозглой заре,
И губернии падала казнимо.

Саянов, по сути, совершенно не сумел показать спецификум пролетарской революционности, ибо та, по существу, расцвечивая схематичная декларация, которой кончается «Встречи братьев», дать в счет не может. Показательно стихотворение «Отец».

Основной порок этого стихотворения лежит, что показывается, в невооруженному глазу. В нем даны в сущности лишь отдельные романтические моменты биографии революционеров, но за исключением обронённого на счет «мелких буржуа» словечка, нет ничего, чтобы показывало «отца» именно как большевика в его большевистской практике.

Противопоставляя этот революционер-«абстрактной», не дифференцированной «Расеи детей», грань между ними, воплотившим мелкобуржуазной революционности, и отцом стирается. А следовательно и задача показать расчленение семьи не удается. Где путь сына, стоящий к новой социалистической жизни от отцов, наборов, угрюмо «ждущих» и предполагающейся за всем этим большевистской работы? Ответа нет.

Тут заключается и еще одна ошибка «Семейной хроники», которая не замечается почками, как практики масс. В этом мелкобуржуазная революционность по сути подменяет революционность пролетарскую. Поэтому и изменения семьи намечены только как бы пунктиром. Правда виски на «конкретности» с духом, дед с внуком, не разработаны их характеры и взаимодействие характеров.

Первая задача «Семейной хроники» таким образом не разрешена. Саянов не сумел чисто и ясно разрешить и второй проблему «Семейной хроники». В общем говорится о том, что и как все три поколения отцов и детей в стороне смысле ей противостоит проблема революционной преемственности в «Сыне» Саянов заявляет о приходе с идейной близкой над биологическим. Но эта идеология, намечена, остается только абстрактным, но Саянов не разрешает их в полнота конкретной практики, а лишь намекает. Внешнее. Саянов не использовал, как в «Сыне» — «Встречи» — большой близкой полностью представляется семенная близость. И гораздо в стихотворении «Безумные не ждите» разница между характером поэта лирической о любви к домашней хронике и воспоминания о любви к Бетине Гебельской работника Аллотеля. Впрочем, Саянов упрощает лирическая и их эмоциональность, когда не дано в «Эмфете», «Дед» у Саянова прямо показывает «отца», а не выражает на новую ступень его дело.

Все эти неудачи «Семейной хроники» упрощаются в отсутствие в ней политической заострённости. Саянов даже как, где он замечает классовые противоречия, не доводит их до стадии конкретной политической борьбы. Показательно в этом отношении заключительное стихотворение «Семейной хроники» «Встречи друзей». В нем Саянов пытается сознать историю расслоения семьи в послереволюционными социальными отношениями—герой стихотворения противопоставляется себя троцкисту Алеше. Но, во-первых, это противопоставление остается статическим, не переходит в борьбу, в которых, скорее с троцкистом Алешей не идет дальше абстрактного декларирования «романтики бунта», т. е. Саянов совершенно не подымается над уровнем постановки вопроса о «злых революции» поэтами типа Голоногого, Светлова и др. и притом в восстановительный период.

Смысл того, чтобы вскрыть мелкобуржуазные корни и контрреволюционную правую тенденцию, Саянов не дает дальше плоского и в конкретности важного плоского отличения «сына» прошлой революции. Отсюда — отсутствие в «Сыне» — «Встречи» — большой близкой разницы.

Эта неспособность видеть классовые корни и для всей «Семейной хроники», в целом творчества Саянова.

Ошибка в «Встрече друзей» идет в другую сторону. Он переплетается с ошибкой «Сына», в изучении пролетарской революционности и в отношении к мелкобуржуазной романтику.

Тема изучения «Семейной хроники» — «Встречи друзей». Он показан в обстановке прошлого, в которой и сложилась. Очевидно, что сама эта абстрактная правильность как бы предрешает свою неправильность. Но в данном случае мы имеем не диалектическое отношение, конкретное единство, а пустое отвлечение, поднятое на романтические ходули.

И тут мы подходим к второму об разительном пороке творчества Саянова.

Не материальные идеи, отражающие пролетарского мировоззрения лишь Саянов неспособен отличить действительности в форме живых образов, а движение тощей, оглушенной мысли, лишенной не пусть живых конкретных многообразия действительности, а путем рассудочного отвлечения, внешнего удаления некоторых общих мест марксизма, и все это эклектическое ремесленической фантазией, «подымающей» в страстном на «высоту» романтической панировки, — все что характеризует его как поэта Саянова.

Поэтому и отметим правильно стихотворение «Мечта». Саянов хвалит в нем поэзию большевиков в этих словах его представителей. Но как он представляет эту деятельность? Отсюда и вытекает ошибка. Ошибка в «Встрече друзей» — в ней Саянов не изучает за ним, как глубже, схематизм Жарова, Безыменского и т. д., что Саянов при этом его ошибки берется за значения революционных уроков. Он теоретически вынести берется, но берется плохо.

Обе ошибки сопряжимо «Семейной хроники» объективно, очень небольшие, несмотря на изученный субъективный замысел поэта. Но Саянов не преодолевает полной романтической абстракции.

Это сильно дурной интеллектуальности, которая Саянов только идеологическим, формой туманности, неясности, каких «поворотов» действительности, которые сознает не замечает, но делает вид, что не видит, и при случае встречается, не видит.

Саянов в этом разрешается до признания романтического пустоты, ложного эстетизма в дедовщины. Вот пример:

Но, зная, что в этой [illegible] стоящей,
Спектакль которым дает [illegible] за [illegible]
Как декорации, прошлого [illegible]
[illegible]

И делать с ним [illegible] «спектакль» [illegible] и [illegible] в [illegible].
Пусть [illegible], что их лишь [illegible] [illegible].
Пусть [illegible] [illegible] [illegible].

Идейная неясность «Семейной хроники» и в художественная неумелость. Объединение действительности [illegible] к нему приходит Саянов. Нужно решительно разрешить детали, перестроить [illegible] Саянов и изучить за ним, как глубже, схематизм Жарова, Безыменского и т. д., что Саянов при этом его ошибки берется за значения революционных уроков. Он теоретически вынести берется, но берется плохо.

Обе ошибки сопряжимо «Семейной хроники» объективно, очень небольшие, несмотря на изученный субъективный замысел поэта. Но Саянов не преодолевает полной романтической абстракции.

Это сильно дурной интеллектуальности, которая Саянов только идеологическим, формой туманности, неясности, каких «поворотов» действительности, которые сознает не замечает, но делает вид, что не видит, и при случае встречается, не видит.

Саянов в этом разрешается до признания романтического пустоты, ложного эстетизма в дедовщины. Вот пример:

Но, зная, что в этой [illegible] стоящей,
Спектакль которым дает [illegible] за [illegible]
Как декорации, прошлого [illegible]
[illegible]

Сыновьи [illegible] [illegible].

за творческую дискуссию на трамовском фронте

Статьей тов. Прокофьева и тов. Егорова «Литгазета» открывает обсуждение творческих вопросов трамовского движения. Это обсуждение должно помочь последнему преодолеть свойственные ему болезни и недостатки и еще более сблизить его с пролетарским литературным движением.

Трам не может считать свой творческий метод, отличный от пролетарского творческого метода, хотя он и должен иметь некоторые специфические оттенки, вызываемые молодостью самого Трама.

Борьба за трамовский метод — борьба за творческий метод пролетариата. Эта борьба не может ограничиться узко трамовскими рамками. Подобная неправая точка зрения, поскольку она имеет место, сводит на-нет огромный опыт борьбы пролетарских отрядов на смежных участках искусства и литературы и заставляет трамовское движение вариться в соку собственных ошибок.

В то же время эта точка зрения содержит в себе опасность **противопоставления трамовского движения другим пролетарским организациям** в литературе и искусстве, как это уже имело место в действительности (блок Ленинградского трама с Лефом, который фактически был направлен против генеральной линии РАПП).

Не изолируя и не противопоставляя себя пролетарскому движению литературы, а изоборот, на основе большевистской самокритики, вместе с ним, используя его ценный опыт, бороться за создание большого искусства большевизма — вот одна из основных задач трамовского движения.

Использование опыта, накопленного в борьбе за пролетарскую литературу левой пролетарской организацией, как РАПП, нужно и необходимо трамовскому движению, хотя бы и потому, что ошибки и болезни, порожденные когда-то этой организацией, нередко находят свое построение в Траме. Консолидация трамовского движения с РАПП вовсе не означает примиренческого отношения к ошибкам и болезням пролетарского литературного движения.

Отдельные представители РАПП могут и теперь занимать в некоторых вопросах ошибочные позиции.

Трам должен со своей стороны помочь преодолеть эти ошибки.

В частности по линии пролетарского театра стоит задача разоблачения некоторых идеалистических высказываний т. Афиногенова в его работе «Творческий метод театра». Однако, заряду с преодолением влияния деборинщины, нельзя забывать, что трамовское движение, в лице своих ведущих трамов, не освободилось еще из плена ошибок механистического порядка.

Нужно помнить, что механизм является главной опасностью, ибо он является методологией правого уклона в партии.

Если в пролетарской литературе идет и идут бои по вопросам творческого метода, если мы там имеем такой положительный факт, как письмо секретариата с развертыванием творческой дискуссии в РАПП, в основном правильно подводящее итог всем предшествующим дискуссиям, то этим еще не может похвастаться трамовское движение.

Споры по творческим вопросам на I всесоюзной Трамконференции и пленумах ЦС трамов, не переключились в повседневную творческую дискуссию ядра трамовского движения, не вовлекли и не заинтересовали всю массу трамовцев, в первом месяце несколько отличаемый, схоластический характер, отошедшим от непосредственной практической практики трамов.

Со стороны **руководства Трамдвижения** мы не только не видим **поощрения творческой самокритики, драк и дискуссий**, но наоборот, отсюда и разом наблюдается искусственное замедление дискуссии, попытки удержать в своих руках монопольно на трамовскую организацию, хотя бы и в ущерб общетрамовскому делу.

Попытки некоторых товарищей в, в частности, т. **Подельского** в статье **«Творческое развитие трамовского движения»** («Советский театр» № 5—6), представить эти различные **одной сплошной линией**, идущей от Ленинградского Трама, вредны для трамовского движения.

На протяжении долгого времени, больше или меньше, частично или искусственно, продолжается **[illegible]** ошибочных, формалистически-механистических суждений Ленинградского трама, вину трамовскому движению.

Попытки некоторых трамов выбить свои творческие позиции, отмежеваться от этих ошибочных установок, всегда встречали сопротивление со стороны руководства. Впервые раз делалась попытка переключить творческие разногласия в плоскость **[illegible]** и мотивальщики борьбы этого трамо. Так **Районный Московский Ленинский трам**, один из старейших трамов, на протяжении **[illegible]** последовательно **[illegible]** систематическому подавлению, игнорированию, отказу в субсидировании.

Дискуссия должна вовлекать всю массу трамовцев, в частности занимаясь основных проблемах творческого метода.

До сих пор еще мало кружков и членов занимается в проблеме спектакля, в проблеме образа, в вопросе соотношения субъекта и объекта, в проблеме актера и других элементов в трамовском спектакле, в вопросах постановки актера и т. д. и т. п. Перед **«пионерщины»** в сейчас еще крепка держится в технике в драматургии **«[illegible]»** (как у нас в начале гнилжизнь) трамов. Чаще на спектакля как «драматизированного доклада», «заполненного рассуждения по поводу», элементы частных правды, противопоставление живой объективно-исторического характера движения реального народа (что, кстати, некорректно в значительной другой форме у т. **Подельского**) все на нашем своем опрощенном **[illegible]** преодоления. Хотя все это и является наследством **Пиотровского** *.

Статья т. Подельского, кроме попытки представить творческое развитие Трама **абсолютно однородным, без всяких творческих разногласий**, заметны старые, еще не совсем осознанные грешки некоторых трамтеоретиков, пытаясь представить творческую линию трама сплошной от начала до конца, за исключением жить внутреннего предательства Пиотровского. Попытка свалить Пиотровского «целом слушателей», попытка замазывания ошибок отдельных руководителей трамовского движения, **является вредной.** Она не помогает, а наоборот скрывает корни, инспирацию в трамовском движении и, в особенности, в среде его отдельных руководителей. Об этом говорит и хвалебная оценка т. Подельского спектакля МДТ **«Тревога»**, спектакля, сконцентрированного **на практике** все творческие пороки творческого метода Ленинградского и Московского центральных трамов.

Только путем широкой творческой дискуссии Трам сумеет преодолеть болезни роста.

За развертывание творческой дискуссии, за самокритику!

ПРОКОФЬЕВ
М. ЕГОРОВ

* Настоящая статья не ставит своей задачей разбор и характеристику упомянутых ошибочных установок, а лишь заостряет внимание на них. Разбор этих ошибок см. статью «Трамы» Калашникова и Ростовского. «Советский театр» № 3, 1931 г.

Театр

по-большевистски овладеть оружием советской сатиры!

по всем правилам буржуазного „мюзик-холла"

салон „св. магдалины"

[illegible]

Что ж? Как это вообще назвать [illegible] стену? Затем? Сатира [illegible] Мюзик-холл [illegible] Для подобных [illegible] «Салон св. Магдалины» даст сколько угодно [illegible] вано.

Нигде скоро вокруг нас [illegible] Мюзик-холла [illegible] может. Совершенно ясно, что его бесцельной программе, на которой [illegible] удобны средства, энергия, время.

Конечно, в «Салоне» есть немногочисленные удачные места, хорошо фальшив Соколовского, однако это не может затянуть даже самую маленькую из всех тех дыр, художественного и политического перегноя, которыми полна эта постановка.

И чем больше эффектности в скверности [illegible] Мюзик-холл — тем больше надо его убивать безжалостно.

И тревожить также. Авторы не только не изменили [illegible] обстановки, но и [illegible] Их новая [illegible] на туку [illegible] отрыв [illegible] для [illegible] [illegible] [illegible]